

***

_18:21_

Вечерняя заря ещё не погасла, дул лёгкий ветерок. Ли Жань послушно припарковал велосипед в углу у ворот своего жилого комплекса и встал рядом.

Он замер, словно статуя. На первый взгляд, и человек, и велосипед были совершенно незаметны.

— Эй, это не Сяо Жань? — раздался с другой стороны дороги бодрый голос.

Седовласая пожилая пара с улыбкой смотрела на него.

Услышав их, Ли Жань поднял глаза, но с места не сдвинулся, продолжая ждать Чи Мо в очерченном им самим круге. Казалось, если он отойдёт хоть на шаг, тот его не найдёт.

— Бабушка, — вежливо поздоровался он, когда старики подошли ближе. — Дедушка.

Бабушка Чэн Аймэй рассмеялась:

— Ты что здесь делаешь? Ещё каникулы не начались, а ты уже новую работу нашёл? Сяо Лю разрешил тебе постоять на воротах?

Ли Жань покачал головой:

— Нет...

Он не знал, как объяснить. Только сейчас, когда бабушка Чэн и дедушка Е подошли, его встревоженное сердце немного успокоилось.

«Если господин Чи действительно потребует с него сто тысяч, — юноша мысленно сжал кулаки, — я обязательно отработаю и верну всё до копейки. Я не испугаюсь. И не отступлю»

Несколько лет назад эта пара пенсионеров переехала в элитный район напротив. После развода родителей они были единственными богатыми людьми, которых знал Ли Жань. Проработав всю жизнь, они на старости лет поселились в роскошном доме, каждый день опрятно одевались и гуляли, держась за руки. Глядя на них, он понимал, что у счастья есть форма.

Тогда они сами заговорили с красногубым, белокожим мальчиком, похвалив его за красоту.

Так они и познакомились, и Ли Жань перестал подозревать в них похитителей детей. Даже после знакомства он оставался таким же неразговорчивым, но «бабушка Чэн» и «дедушка Е» произносил с такой теплотой, что у стариков, не имевших своих внуков, на лице всегда расцветала улыбка.

Однажды юноша заметил, что «дедушка Е» звучит почти как «йе-йе-йе», и если произнести это быстро, получается довольно дерзко. Поэтому он перестал называть их по фамилиям. Бабушка и дедушка — так было теплее.

Старики были этому несказанно рады.

— Так почему ты стоишь здесь, а не идёшь домой? — спросила Чэн Аймэй. — Я уж подумала, ты тут свою суженую ждёшь, — она рассмеялась своей же шутке. — Влюбился?

— Нет-нет... я уже собирался, — Ли Жань взялся за руль, делая вид, что уходит. — Я просто... решил подышать свежим воздухом.

Пока дедушка и бабушка, не видевшие его несколько дней, разглядывали его, как родного внука, приговаривая, что он похудел и нужно больше есть, Ли Жань, убедившись, что они его не слышат, пробормотал себе под нос:

— Девушкам я не нравлюсь... я слишком скучный. Неромантичный, без чувства юмора, да ещё и в долгах.

Когда Чэн Аймэй закончила свои наставления, Ли Жань спросил:

— Бабушка, вы с дедушкой снова ездили путешествовать по соседним городам?

— А то! — ответила она. — Дома сидеть — не дело, кости заржавеют. А тут ещё этот король-пёс с холодным лицом, приехал пару месяцев назад, а уже командует, что да как. Совсем от рук отбил. Не собираюсь я на его кислую мину смотреть. Вернулись на два дня, завтра снова уезжаем.

Е Цзэ полностью её поддержал:

— Точно. Достал уже. Даже в телефон вечером не даёт поиграть, заставляет спать ложиться. Псих. Я всю жизнь пахал, чтобы на старости лет спокойно в телефоне сидеть, а он, видите ли, заставляет меня рано ложиться и рано вставать!

Взгляд Чэн Аймэй вдруг стал острым.

— Ты нашёл телефон и планшет, которые он в прошлый раз отобрал?

— Я же тебе днём говорил, в ящике стола в кабинете, — сказал Е Цзэ. — Совсем память отшибло? Смотри, не впади в маразм, я ещё не успел насладиться спокойной жизнью...

— Хватит болтать! Замолчи! Скорее ты впадёшь в маразм, чем я, — ещё более резко ответила Чэн Аймэй. — Этот пёс ещё не вернулся с работы.

— Точно. Пошли!

Спустя какое-то время, когда старики, помахав на прощание, скрылись в элитном районе, до Ли Жаня наконец дошло, что они пошли домой воровать свои же гаджеты.

«Воровать... воровать... «воровать» телефоны...»

«Даже на пенсии нельзя спокойно поиграть в телефон. Это как-то печально»

— Прости, задержался, — сказал Чи Мо, выйдя из «Куллиана». — Были неотложные дела.

Он посмотрел на юношу, который снова застыл в позе солдата.

— Давно ждёшь?

Меньше двадцати минут, не так уж и долго. Просто Ли Жань был слишком добросовестным и простоял всё это время не шелохнувшись, отчего у него немного затекли ноги.

— Не... нет, — ответил он.

Шэнь Шу уже закончил смену и уехал.

Чи Мо впервые стоял так близко к Ли Жаню. Мужчина был очень высоким, и от него исходила подавляющая аура власти. Его плечи были в два раза шире, чем у юноши, а ноги казались бесконечными. Строгий чёрный костюм, идеально сидевший на нём, лишь подчёркивал его суровость и непреклонность.

Без преувеличения, Чи Мо был опасен. В дикой природе Ли Жань, который мог бы быть лишь домашним котом или кроликом, замер бы от страха, боясь пошевелиться, чтобы хищник не вцепился ему в шею. Юноша подавил дрожь, но его спина всё равно покрылась холодным потом.

Он воспользовался последними отблесками света, чтобы найти на кузове следы столкновения. Это помогло ему немного отвлечься. Он был уверен, что не ошибся стороной — именно здесь «Куллиан» был поцарапан.

Но кузов машины сиял первозданной чистотой, на нём не осталось ни единой царапины. Машину уже восстановили.

Ли Жань указал на «Куллинан» и, затаив дыхание, спросил:

— Господин Чи... сколько стоил ремонт?

— Тебе не нужно платить, — сказал Чи Мо, незаметно отступая на шаг, чтобы уменьшить давление.

— ...А?

— Я нашёл того, кто тебя толкнул. Сам с ним договаривайся.

— А?.. — Ли Жань, ошеломлённый этой новостью, не мог прийти в себя.

Через две минуты к старому жилому комплексу на электрическом скутере подъехал мужчина средних лет с пепельным лицом. Он явно не хотел здесь появляться, но по каким-то причинам был вынужден подчиниться. Увидев Ли Жаня, виновник, не говоря ни слова, искренне извинился:

— Прости, парень. Мне очень жаль, я тогда торопился и не заметил тебя. Это было не нарочно.

Если бы он действительно не заметил, то мог бы остановиться и взять на себя ответственность. Но он этого не сделал, а скрылся быстрее всех. Ли Жань тогда огляделся по сторонам, но так и не смог найти обидчика, и ему пришлось взять всю вину на себя. Его сердце было разбито.

И сейчас этот человек извинялся лишь потому, что его поймал Чи Мо. Это была вынужденная мера.

Ли Жань выпрямился:

— Вы...

Глаза виновника покраснели.

— Парень, я правда не нарочно тебя толкнул, я очень торопился. Мне нужно кормить семью, у меня старики и дети, все ждут, когда я принесу деньги. Жизнь такая тяжёлая. Парень, будь великодушным, прости меня, не усложняй мне жизнь, у-у-у...

Он вытер слёзы, его лицо выражало глубокое раскаяние. Если Ли Жань его не простит, то

окажется бессердечным злодеем. На самом деле этот бессовестный человек привык нарушать правила, и разыгрывать такие сцены ему было не впервой. Кто бы ни оказался на месте юноши, он бы проявил сочувствие.

Все, кроме Чи Мо. И Шэнь Шу.

Китайцы по своей природе сдержанны и предпочитают избегать конфликтов. Если бы виновника не нашли, Ли Жань, скорее всего, смирился бы с неудачей. Этот мужчина, когда его ловили, обычно либо всё отрицал, либо прикидывался паинькой — какой-нибудь из этих трюков всегда срабатывал.

Когда Шэнь Шу нашел его, тот, будучи в шлеме и маске, а также на скутере своей сестры, которую по камерам было не опознать, поначалу дерзко всё отрицал. Шэнь Шу, не говоря ни слова, ударил его кулаком в живот. Удар был нанесён так искусно, что не оставил и синяка, даже врач не нашел бы повреждений. Мужчина, скрючившись от боли, тут же взмолился о пощаде и во всём признался.

Но, увидев Ли Жаня, он решил, что этого парня легко обмануть. К тому же юноша явно боялся Чи Мо, а значит, их отношения вряд ли были близкими. Виновник тут же, отвернувшись от Чи Мо, начал рыдать. Искренне и проникновенно.

И это сработало. Ли Жань, нахмурившись, не знал, что сказать. В этот момент он сделал то, чего сам от себя не ожидал — попросил помощи у Чи Мо. Юноша с мольбой посмотрел на него, умоляя взглядом вмешаться.

Чи Мо, приподняв бровь, молча дал понять, что тот должен справиться сам. И он будет стоять рядом и наблюдать, надеясь, что парень его не разочарует.

Но Ли Жань сейчас был на это неспособен. Он невольно шагнул к мужчине и, собрав все свои силы, произнёс:

— ...Господин Чи.

Чи Мо знал, что таким людям, как Ли Жань, нужно помогать с первого раза. Иначе, столкнувшись с трудностями в будущем, они больше никогда не попросят о помощи. И дело было не в гордости, а в робости. Попросить о помощи один раз уже было для него подвигом.

Юноше показалось, что Чи Мо едва заметно вздохнул, но с его тонких губ не сорвалось ни звука.

Сгущались сумерки. Уличные фонари в обоих районах один за другим зажглись, освещая улицу. Чи Мо достал из кармана пачку сигарет, вытащил одну и зажал её в зубах. Щёлкнула зажигалка, и он поднёс огонёк к сигарете. Но, взглянув на Ли Жаня — всё-таки перед ним был

несовершеннолетний, — он отпустил зажигалку, и пламя погасло.

— Тебе нужно кормить семью, а этот парень ещё слишком молод, чтобы его кормили, — сказал Чи Мо, не вынимая сигареты изо рта и глядя на плачущего мужчину. — Он знает, что нужно соблюдать законы, а ты — нет. У меня нет времени на тебя, не раздражай меня.

Его голос внезапно стал нетерпеливым, и Ли Жань вздрогнул.

Мужчина не ожидал, что Чи Мо вмешается. И хотя удар нанёс не он, холодный тон этого человека был страшнее кулака Шэнь Шу. Он понял, что если продолжит упираться, то одним ударом не отделается.

— Я всё возьму, — заикаясь, сказал он. — И за машину, и за велосипед, всё до копейки.

В восемь вечера Ли Жань осознал, что за «Куллинан» заплатит тот мужчина, и он больше ничего не должен Чи Мо. Глядя на 80 юаней, поступивших на его счёт, он почувствовал во всём теле необычайную лёгкость.

Замена шины стоила 50 юаней. Новый руль — 30 юаней. Хотя руль сломался не по вине того мужчины, тот всё равно заплатил.

Он оказался в плюсе.

Несколько тысяч, десятков тысяч или даже миллионов для Чи Мо были всё равно что глоток воды. На самом деле он не собирался брать деньги с виновника, лишь бы тот признал свою вину. Но раз уж тот нарвался на неприятности, то должен был заплатить всё до копейки. Чи Мо отнюдь не был добряком.

Мужчина, заплатив за свой проступок, разрыдался — на этот раз искренне. Он клялся, что больше никогда не будет нарушать правила и станет законопослушным гражданином. Ли Жань, будучи мягкосердечным человеком, почувствовал к нему сострадание, но в то же время ему стало смешно.

— Человека нашёл я, так что ты должен не мне деньги, а мне услугу, — неторопливо сказал Чи Мо.

Уличные фонари в старом районе оправдывали своё название — они были тусклыми, а некоторые и вовсе мигали. Мужчина стоял под этим светом, держа сигарету между пальцами, и не сводил глаз с лица Ли Жаня. Как змей, или даже как призрак.

Юноша тут же забыл о своей радости от заработанных 30 юаней и закивал, как болванчик:

— Да-да!

— Раз так, то ты, надеюсь, не станешь удалять меня из контактов, делая вид, что мы не знакомы, — Чи Мо едва заметно усмехнулся, и его голос зазвучал так, словно сам дьявол искушал человека съесть запретный плод. — Ведь ты хороший мальчик, правда?

<http://bllate.org/book/15969/1441601>